

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes («Prace Komisji językowej» Polskiej akad. umiejętności, № 37).— Kraków, nakładem Polskiej akad. umiejętności, 1952. 527 стр.

Фундаментальная работа выдающегося польского языковеда Е. Куриловича «Ударение в индоевропейских языках» подводит итог его почти тридцатилетним исследованиям по этому вопросу, начатым еще в 1925 г. монографией об ударении в «Авесте». В своем труде Е. Курилович исследует ударение в индоевропейских языках с точки зрения его морфологической роли. Необходимо отметить, что подобного рода задача была поставлена еще основоположником современной фонологии И. А. Бодуэном де Куртене. Он указывал, что индоевропейское ударение имело «морфологическое значение», утраченное, например, в латинском языке¹. Глава казанской лингвистической школы дал блестящую характеристику ударения в различных славянских языках, показав, как в них были заменены «...утраченные противоположности (гласных долгих и кратких, ударенных и неударенных) для выражения морфологических противоположностей»². Но эти глубокие идеи Бодуэна были забыты (повидимому, они остались неизвестными и автору рецензируемой работы). Лишь много десятилетий спустя проблема взаимосвязи всех составных частей системы языка стала в центре внимания лингвистов.

Понимание взаимообусловленности фонетических и морфологических явлений — неоспоримое достоинство работ Е. Куриловича — позволяет ему по-новому осветить многие вопросы истории индоевропейских языков. Вопросы фонологии ударения не могли быть решены до тех пор, пока не изучались функции ударения по отношению к слову, пока ударение считалось признаком слога или моры³. Изучая морфологические функции ударения в древнеиндийском, древнегреческом и балтийско-славянских языках, Курилович исходит из того, что ударение в этих языках налагается на звуковую структуру всего слова в целом (стр. 3)⁴. Вследствие этого при изучении истории ударения устанавливаются ясные соотношения между древними и преобразованными формами, различающимися только ударением. Поэтому акцентологические исследования, по мнению Куриловича, могут много дать для теории морфологического развития языка. Сравнительная грамматика индоевропейских языков начинает все больше служить общему языкознанию (стр. 2). Эти мысли Куриловича представляют большой интерес для советских лингвистов. Нашими языковедами отмечалось, что сравнительно-историческое изучение акцентологических явлений в родственных языках позволяет углубить понимание сущности грамматической аналогии⁵. Исследуя родственные языки, советские лингвисты руководствуются тем, что изучение языкового родства должно способствовать раскрытию законов развития языка. Но в трактовке закономерностей развития языка советские языковеды не могут согласиться с Е. Куриловичем.

Согласно теории Е. Куриловича, единственным решающим фактором, который определяет направление действия грамматической аналогии, являются соотношения

¹ См. «Подробную программу лекций И. А. Бодуэна де Куртене в 1877—1878 учебном году», Казань — Варшава, 1881, стр. 133—134; ср. также стр. 139.

² Там же, стр. 144

³ В этом отношении показательна неудача Трэджера (см. G. L. Trager, The theory of accentual systems, сб. «Language, culture and personality. Essays in memory of Edward Sapir», Menasha, Wisconsin, 1941, стр. 131—145). Ср. работу П. С. Кузнецова «К вопросу о фонологии ударения» («Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 6, М., 1948, стр. 12—17), где излагается принципиально отличная от взглядов Трэджера концепция, близкая к точке зрения Куриловича (на это совпадение указывает и П. С. Кузнецов, см. стр. 15).

⁴ Здесь и далее в тексте в скобках указываем страницы рецензируемой книги.

⁵ См. Л. А. Булаховский, Значение славянских языков для реконструкции древнейшей системы родственных языков, «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», вып. 1, М., 1946, стр. 8.

между элементами системы языка, их внутренняя иерархия (стр. 1, 496). В понимании Куриловичем системы языка сказывается воздействие мертвенных схем глоссематики Ельмслева. Трудно понять, почему историк языка такого масштаба, как Курилович, мог увлечься идеей «изоморфизма» — параллелизма между «планом выражения» и «планом содержания» (согласно терминологии копенгагенского структурализма)⁶. Что может дать для понимания истории языка, например, такое утверждение в духе «изоморфизма»: слоги языков ударные и безударные, с различным вокализмом) с немусикальным ударением сравнимы со словами индоевропейских языков, где синтаксические функции слова отражены в окончаниях? (стр. 442). Такое понимание языка как совокупности параллельных «планов» по существу противоречит концепции языка как системы, все составные части которой взаимосвязаны. Поэтому возникают внутренние противоречия в работах Куриловича. Ценность конкретно-исторических исследований Куриловича, показывающих взаимосвязь развития фонетических и морфологических элементов системы языка, снижается вследствие влияния на талантливую польского ученого антиисторических концепций структуралистов. Правильному пониманию развития звукового строя языка препятствует стремление Куриловича противопоставить фонологию фонетике (стр. 13, 28, 41, 249—250 и др.). Если понимание функций ударения по отношению к слову отличает Куриловича от большинства зарубежных фонологов, то в анализе различных типов музыкального ударения он следует установившемуся шаблону, сводя все типы ударения к сочетанию ударной и безударной моры. Этот метод, явно недостаточный для анализа ряда языков (см. ниже о латышском), отличается большой искусственностью. По признанию одного из известных зарубежных фонологов, понятие моры (в смысле, употребляемом структуралистами) «...не соответствует никакой конкретной реальности»⁷, употребляется лишь для удобства описания. С помощью фонологической теории мор нельзя показать своеобразия отдельных языков, особенностей их развития.

Воздействие структурализма препятствует Куриловичу раскрыть закономерности развития языка. Он выдвигает несколько абстрактных формул развития языка, остающихся недоказанными, по признанию самого автора (стр. 2). Курилович отчетливо видит основной недостаток своих построений. Теоретическую работу об аналогии он заканчивает таким выводом: «Конкретная грамматическая система определяет, какие «аналогические» преобразования являются возможными. Но только социальный фактор решает, осуществляются ли эти возможности и, если осуществляются, то в какой мере... Лингвистика, обязанная считаться с этими двумя различными факторами, никогда не может предвидеть, какие произойдут изменения. Кроме взаимозависимости и иерархии лингвистических элементов внутри данной системы, она (т. е. лингвистика) должна иметь дело с исторической случайностью социальной структуры. И хотя общее языкознание скорее склоняется к анализу системы как таковой, конкретные исторические проблемы находят удовлетворительное разрешение только тогда, когда одновременно учитываются оба фактора»⁸. Из этого рассуждения со всей очевидностью следует, что всякое конкретно-историческое исследование должно вскрыть связи развития языка с историей его носителей, с развитием общества. Но Курилович, повидимому, считает, что если учитывать социальный фактор, то невозможно будет установить строгие закономерности. Недаром он несколько раз и в цитированной статье и в разбираемой монографии употребляет по отношению к «социальному фактору» выражение «историческая случайность» (*hasard historique*), стр. 2; «contingences historiques», стр. 465). В действительности же подлинные законы развития языка могут быть поняты лишь тогда, когда он изучается в неразрывной связи с развитием общества. Непонимание этого принципа обуславливает ошибочность той теории развития языка, которой руководствуется Курилович в своем исследовании. Формулы, характеризующие направление языковых изменений⁹, на которые он постоянно опирается в рецензируемом труде, остаются абстрактными и безжизненными. Поэтому сравнительно-исторический метод в исследовании Куриловича не стал подлинно историческим, хотя критику Куриловичем антиисторизма традиционной сравнительной грамматики нельзя не признать очень сильной.

⁶ См. J. Kuryłowicz, La notion de l'isomorphisme, «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», vol. V — «Recherches structurales, 1949», Copenhague, 1949, стр. 48—60. Ср. критику понятия «изоморфизм» в журн. «Вопросы языкознания» за 1953 г. в статьях О. С. Ахмановой «Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания» (№ 3, стр. 25—47) и А. И. Смирницкого и О. С. Ахмановой «О курсе „Общее языкознание“» (№ 4, стр. 74).

⁷ A. Martinet, Où en est la phonologie?, «Lingua», vol. I, 1, Haarlem, 1947, стр. 51.

⁸ J. Kuryłowicz, La nature des procès dits «analogiques», «Acta Linguistica», Copenhague, 1945—49, vol. V, fasc. 1, стр. 37.

⁹ Эти формулы изложены в названной выше статье Куриловича «La nature des procès dits „analogiques“», стр. 15—37.

В своих ранних работах Курилович (как и Э. Бенвенист) выступил против распространенного представления об индоевропейском языке-основе как языке без истории. Курилович поставил перед собой задачу установить относительную хронологию развития индоевропейского языка-основы: в тех фактах, которые реконструируются на основе сравнения индоевропейских языков, оказалось возможным выделить различные хронологические слои, отделить более древние явления от более новых¹⁰. К индоевропейскому языку-основе был применен метод так называемой «внутренней реконструкции» («метод фоно-морфологического анализа», по терминологии проф. А. И. Смирницкого¹¹). В последних работах Куриловича рамки применения этого метода значительно расширены: он служит уже не только для установления относительной хронологии развития языка-основы, но и для реконструкции этого языка. По мнению Куриловича, язык-основа в традиционной сравнительной грамматике представляет собой смесь разнородных фактов (стр. 3, 497), противоречащую пониманию языка как системы¹². Для того чтобы избежать этой ошибки, Курилович считает необходимым при восстановлении языка-основы опираться на о д и н из родственных языков. В каждом языке существуют архаические явления, позволяющие частично реконструировать его доисторические черты. При помощи такого рода явлений (т. е. методом внутренней реконструкции) и следует восстанавливать язык-основу, причем в восстановленную таким способом систему языка-основы можно внести поправки на базе сравнения с другими родственными языками только в том случае, если эти поправки не противоречат системе. В каждом отдельном случае следует устанавливать, какой из родственных языков должен быть выбран в качестве основы для реконструкции. В частности, для восстановления системы индоевропейского ударения должен быть выбран в качестве основы древнеиндийский (ведийский), так как в ведийском ударении нет нововведений по сравнению с другими языками, тогда как другие языки, по мнению Куриловича, обнаруживают нововведения в области ударения по сравнению с ведийским. Следовательно, в соответствии с методом, предлагаемым Куриловичем, задача сравнения родственных языков друг с другом сводится к определению языка, который должен быть выбран в качестве основы для реконструкции; сама же реконструкция осуществляется, в основном, не при помощи сравнения, а на основе архаических элементов одного языка.

Признавая ценность метода внутренней реконструкции, следует тем не менее отметить, что в работах Куриловича возникает опасность разобщения этого метода с обычным сравнительным методом. Между тем исследовательская практика показывает, что наибольших результатов можно достичь при тесном сочетании этих двух способов сравнительно-исторического исследования (достаточно сослаться на опыт изучения индоевропейского гетероклитического склонения). С другой стороны, для удачного применения метода внутренней реконструкции необходимо строгое доказательство большей древности одних явлений по сравнению с другими. Курилович не дает бесспорной мотивировки выбора ведийского ударения в качестве основы для реконструкции индоевропейского; такой мотивировкой не может считаться его истолкование фактов древнегреческого и балтийско-славянских языков, так как при изучении системы ударения этих языков он исходит из системы индоевропейского, отождествляемого с ведийским (т. е. из того положения, которое само нуждается в обосновании). Это показывает, что необходимо разработать четкую методику такого рода исследований, которая помогла бы избежать произвольных допущений.

Индийскому ударению в соотношении с индоевропейским посвящается первая глава книги (стр. 6—120), которая следует за предисловием (стр. 1—5), излагающим задачи работы и общие установки автора. Первая глава состоит из 4 параграфов, посвященных соответственно именному склонению (стр. 6—31), именному словопроизводству (стр. 32—73), именному словосложению (74—104), личным формам глагола (105—120). Курилович доказывает, что «колонное» ударение в ведийских именных парадигмах, постоянно падающее на один и тот же слог (считая с начала слова), не является первичным. Для доисторического состояния Курилович предполагает подвижность ударения и обязательное ударение на слабых падежах во всех парадигмах. Преобразование древнего ударения Курилович объясняет воздействием факторов фонетических: исчезновением редуцированных гласных и изменением функций сонантов — и морфологических: взаимовлиянием противопоставленных друг другу баритонических (имеющих ударение не на окончании) и окситонических (конечноударных) парадигм. Последнему фактору в соответствии с общелингвистическими взглядами автора придается очень большое значение; поэтому некоторые явления получают чрезвычайно схематичное

¹⁰ См. J. Kuryłowicz, *Études indoeuropéennes*, I («Prace Komisji językowej», Polskiej akadem. umiejętności. № 21), Kraków, 1935.

¹¹ А. И. Смирницкий, К вопросу о сравнительно-историческом методе в языкознании, «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 13—14.

¹² См. J. Kuryłowicz, Le degré long en indo-iranien, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 44, fasc. 1, Paris, 1948, стр. 42.

истолкование. В частности, это относится к объяснению сохранности архаического ударения в ряде слов. Курилович считает, что помимо слов типа *asrk* «кровь», род. падеж *asrk*, ударение которых не имеет доказательной силы ввиду гетероклитического характера парадигмы, в древнеиндийском было две баритонические основы, сохранившие древнее подвижное ударение: *pānthāh* «путь», род. падеж *pathāh*, и *pīmān* «мужчина», род. падеж *pūmsih*. Архантность ударения в этих словах Курилович склонен объяснять тем, что не существовало окситонических основ, которые противопоставились бы этим баритоническим основам и вызвали бы в них изменение ударения (стр. 15). Но в действительности слово *pānthāh* является гетероклитическим образованием и с исторической точки зрения¹³, и с точки зрения соотношений в самом древнеиндийском, где отчетливо выделяются падежи типа твор. падежа мн. числа *pathibhih* с основой на *-i*. По ударению эти падежи объединяются с другими стабильными падежами (ср. *pathibhih*: *pathih* с «колонным» ударением) и противопоставляются сильным падежам. Что же касается слова *pīmāns*, то оно в санскрите стало восприниматься также как слово гетероклитического типа, о чем свидетельствуют формы «средних» падежей с отсутствием корневого *-s-*: твор. падеж мн. числа *pūmbhih* (ср. *pūmsih* с *-s-*). Правда, в ведийском эти формы не засвидетельствованы, но единственная форма «среднего падежа» от этого слова в ведийском — форма мести. падежа мн. числа *pūmsu* (вместо **pūms-su*; ср. *mās-su* от *mās* «месяц»¹⁴) показывает, что уже могло произойти переосмысление этой формы (*pūm—su* вместо **pūms-su*), вследствие которого стало возможным образование санскритских форм *pūmbhih* и т. п.¹⁵. Следовательно, в обоих случаях (*pānthāh* и *pūmāns*) сохранение древнего ударения оказывается связанным с особым характером самой парадигмы слова, а не с отсутствием противопоставленных ей парадигм.

Нельзя согласиться и с теми выводами, которые Курилович делает из подвижного ударения древнеиндийских корневых слов. При помощи этого факта Курилович доказывает, так сказать, «от противного», древнюю подвижность основ, состоящих из сочетания корня с суффиксом, например, *bhrāter* «брат» (стр. 16—18). Рассуждение Куриловича основано на одной из тех общих формул развития языка, о которых речь шла выше. Согласно этой формуле, корни «основаны» на сочетаниях корня с суффиксом и являются как бы сокращением этих сочетаний; поэтому развитие корней обусловлено развитием сочетаний корня с суффиксом. Верной является мысль о взаимодействии корня и производных от него слов¹⁶, но неправильно было бы делать на этом основании вывод о безусловной зависимости корневых слов от производных. Курилович, судя по его теоретической работе¹⁷, понимает, что нельзя механически применять положение о взаимодействии корня и производных слов. Но он неправильно освещает соотношения в системе языка, когда утверждает, что слова типа *bhrāter* в древности должны были иметь подвижное ударение, так как в противном случае неподвижность ударения в парадигмах этих слов привела бы к неподвижности ударения односложных корневых слов. Курилович не учитывает особого удельного веса корневых слов в лексической системе языка, их исключительной устойчивости. Как показывают рассмотренные примеры, общелингвистические взгляды Куриловича не дают ему возможности правильно понимать причины сохранения архаических черт в системе языка, между тем это очень важно именно для того метода реконструкции языка-основы, которым он пользуется.

Изложенная в работе Куриловича теория развития ударения в индоевропейском именном склонении, на основании которой Курилович объясняет и многие явления в словообразовании, вызывает некоторые сомнения со стороны относительной хронологии: Курилович, повидимому, предполагает, что «средние» падежи существовали еще до ослабления гласных (ср. на стр. 16 замечание об окончании *-bhyah*). Но этот процесс относится к очень древнему периоду [как и все преобразование ударения именных парадигм (см. стр. 31)]. Между тем средние падежи возникли в сравнительно позднюю эпоху, как убедительно показал сам Курилович в одной из своих ранних работ¹⁸. Хеттский язык, показывающий следы давнего исчезновения безударных гласных (например, в чередующемся с *-tar* в гетероклитическом склонении *-nn-<*tn-<*ten*), в то же время в склонении отражает эпоху, предшествовавшую развитию средних па-

¹³ См. E. Benveniste, *Origines de la formation des noms en indo-européen*, I, Paris, 1935, стр. 62 и 6.

¹⁴ Ср. A. A. Macdonell, *Vedic Grammar*, Strassburg, 1910, стр. 221 (примеч. 9).

¹⁵ Ошибочно распространенное мнение о чисто фонетическом происхождении этих форм из *pūms-bhih* и т. п., так как в древнеиндийском не было соответствующей фонетической закономерности (ср. A. Thum b, *Handbuch des Sanskrit*, Teil I, Heidelberg, 1930, стр. 232: «не совсем ясное фонетическое развитие»).

¹⁶ Ср. замечания А. А. Потебни («Из записок по теории словесности», Харьков, 1905, стр. 165 и 424).

¹⁷ См. J. Kurylowicz, *La nature des procès dits «analogiques»*, стр. 25—26.

¹⁸ См. раздел о средних падежах в его «*Études indoeuropéennes*», стр. 165—168.

дейей. Хотелось бы, чтобы Курилович, много сделавший для установления индоевропейской относительной хронологии, внес ясность и в этот вопрос.

В разделах книги, посвященных словообразованию в древнеиндийском и других индоевропейских языках, Курилович широко использует понятия «дифференциации» производных и непроизводных слов и «поляризации» двух типов производных (возникших из одного типа) посредством ударения. «Поляризацией» Курилович объясняет, в частности, известные соотношения типа греч. *τομός* «режущий» и *τομός* «отрезок». При изучении соотношений такого рода Курилович обращается к образованиям с суффиксом *-tṛ*, которые недавно подверглись специальному анализу в работе Бенвениста. Хотя Курилович и ссылается на эту работу, его выводы по существу противоположны заключениям Бенвениста. Последний устанавливает для баритонических основ с суффиксом *-tṛ* общиндоевропейское значение имени «автора действия» и называет их «quasi-причастными» образованиями¹⁹. По мнению же Куриловича, вторичное значение «имени автора» развилось потому, что эти формы «по крайней мере в индоиранском» были причастиями (стр. 62). Выводы Куриловича представляются более близкими к истине, чем теория Бенвениста, без достаточных оснований возводящего к общиндоевропейскому те значения форм, которые он при помощи тщательного филологического анализа устанавливает для древнейших текстов. Поэтому приходится высказать сожаление о том, что эти замечания Куриловича остались неразвитыми и подробно не обоснованными, как и многие другие положения его книги, имеющей вследствие этого несколько фрагментарный характер. Во многих случаях отсутствует детальный семантический анализ, который помог бы углубить исследование. Так, например, правильная мысль о том, что ведийское *akti* является производным словом, давно уже семантически изолированным (стр. 65), приобрела бы больший вес, если бы автор проанализировал употребление этого слова в «Ригведе». Помимо значения «мазь» (*ak-tū* — производное от *añj-* «намазывать»), в котором это слово приводится Куриловичем, оно имеет вторичные значения «свет», «ночь» (ср. такое же развитие значений у *akti* «помазанная = украшенная» > «украшенная светом, звездами»²⁰). Слово *akti* употребляется в «Ригведе» 48 раз, из них только 4 раза в значениях, приводимом Куриловичем, в остальных же случаях — в значениях, так далеко отошедших от первичного, что можно говорить о возникновении омонимов вследствие распада полисемии.

Соотношения между словообразовательными типами, объясняющие, по мысли Куриловича, их акцентологические особенности, в ряде случаев истолкованы в книге схематически. Нельзя признать вполне удовлетворительным объяснение исторической связи между сложными словами типа *bahuvrīhi* и сложными словами типа *tatpuruṣa*, данное на стр. 74—75. Курилович решает этот вопрос в общелингвистическом плане. Но сопоставление с живыми языками (к которому прибегает в данном случае сам Курилович, используя факты немецкого языка) показывает недостаточность его объяснения: то семантическое соотношение между *bahuvrīhi* и *tatpuruṣa*, о котором он говорит, соответствует в общих чертах соотношению в английском языке между *moonshine* в *moonshine night* «лунная ночь» и *moonshine* «лунный свет»; между тем возникновение сложных слов типа *moonshine* «лунный свет» никак нельзя объяснить тем, что первоначальный «семантический вариант» атрибута (например, в *moonshine night*) стал независимым. Для решения вопроса в каждом случае следует учитывать конкретные особенности развития данного языка. Для раскрытия причин необычайной продуктивности *tatpuruṣa* в классическом санскрите следует установить место этого явления в общем процессе изменения всей флективной системы языка²¹. Тогда станет понятной глубокая ошибочность утверждения Куриловича о том, будто между *rājnah putrāḥ* «сын царя» (конструкция с родительным падежом) и *rāja-putrā* «царевич» (сложное слово) нет существенной синтаксической разницы (стр. 75). Такое утверждение не позволяет увидеть важного отличия ведийского от классического санскрита.

Наибольшие возражения вызывает раздел, посвященный ударению личных форм индоевропейского и древнеиндийского глагола, равно как и соответствующий раздел о древнегреческом глаголе. Безударность личных форм глагола в древнеиндийском и соответствующие факты, восстанавливаемые для дописьменного периода развития древнегреческого, Курилович объясняет как результат слияния глагола с приставками. Это, по существу, произвольное допущение приводит к ряду противоречий: слияние глаголов с приставками в «Ригведе» еще не осуществилось, а безударность глагола —

¹⁹ E. Benveniste, Noms d'agent et noms d'action en indo-européen, Paris, 1948, стр. 62, 11.

²⁰ H. Grassmann, Wörterbuch zum Rig-Veda, Leipzig, 1873, стр. 4—5.

²¹ Задолго до Л. Рену (см. Louis Renou, Observations sur les composés nominaux du Rgveda, «Language», Baltimore 2, Md., 1953, № 3, стр. 233) эта мысль в более общем виде была высказана акад. А. П. Баранниковым (см. А. П. Баранников, Флексия и анализ в новоиндийских языках, «Ученые записки ЛГУ», Серия востоковедческих наук, вып. 1, Л., 1949, стр. 10), видевшим в распространении сложных слов свидетельство влияния разговорного языка на санскрит.

совершившийся факт. Безударность бесприставочных глаголов Курилович объясняет на основании принципа, согласно которому развитие неприводных основ (имеющих «нулевую» приставку) обусловлено развитием производных. Больше того, Курилович утверждает, что хотя глагол был безударным не во всех положениях, ударные формы находились под влиянием безударных (стр. 112). Это утверждение, на котором основан ряд построений Куриловича, находится в явном противоречии с закономерностями, наблюдаемыми в живых языках. Курилович признал зависимость ударения глагольных форм от их положения в фразе (правда, только для начального положения, стр. 111), но не сделал из этого необходимых выводов, так как в его работе не использован известный в настоящее время материал хеттского языка, позволяющий по-новому известить вопрос об индоевропейском глаголе и приглагольных приставках.

Данные хеттского языка подтверждают мысль Куриловича о раннем слиянии приставок с причастиями (стр. 111), так как слова, возникшие из такого рода сочетаний, в хеттском выступают уже в качестве имен рода: *antiānt* «зять, вошедший в дом родителей жены без своего хозяйства» из *anda iānt* «внутри вошедший»²². Но вместе с тем хеттский язык показывает, что двойная функция наречий — их способность выступать в качестве приставки и предлога в ведийском (или приставки и послелога в хеттском) — не обязательно свидетельствует об осуществившемся слиянии глагола с приставкой (вопреки мнению Куриловича, стр. 109). В хеттском грань между наречием, послелогом и приставкой очень зыбка, но именно это доказывает отсутствие слияния приставки с глаголом, так как в сочетании «существительное + послелог (наречие, приставка) + глагол» наречие может оказываться связанным то с существительным (в качестве послелога), то с глаголом (в качестве приставки). Вместе с тем хеттский язык обнаруживает поразительное сходство с древнеиндийской прозой в отношении обязательности конечного положения глагола в предложении. Для установления древнего порядка слов хеттской и древнеиндийской прозе нужно отбросить предположение перед поэтическими текстами поэм Гомера, ведийских и авестийских гимнов, где метр оказывает большое влияние на расположение слов. Поэтому в настоящее время можно считать очень вероятным, что индоевропейской нормой было конечное положение глагола в предложении. Это делает правдоподобным давно уже высказывавшееся предположение (подтверждаемое древнеиндийскими и древнегреческими фактами) о том, что безударность личных форм глагола связана с их конечным положением в предложении²³.

Вторая глава книги, посвященная древнегреческому ударению (стр. 121—190), по объему значительно уступает двум другим главам. Глава состоит из семи разделов: происхождение греческих интонаций (стр. 121—129), именное склонение (стр. 130—144), морфологическая роль циркумфлекса (стр. 145—150), именное словообразование (стр. 151—167), именные сложные слова (стр. 168—176), личные формы глагола (стр. 177—184), диалектальные факты (стр. 185—190). Следует заметить, что уже существует монография, где исследуется древнегреческое ударение с точки зрения его грамматической роли; это — предсмертный труд Байи²⁴. Работа Куриловича отличается от исследования Байи в двух отношениях: во-первых, Байи стремился дать чисто синхроническое описание лишь с отдельными историческими экскурсами; во-вторых, как верный ученик де Соссюра, он старался тщательно разграничить «законы, относящиеся к обозначающему» (т. е. фонетические) и «правила, определяемые природой обозначаемого» (работа Байи делится на озаглавленные таким образом части). Курилович, напротив, изучает древнегреческое ударение не только в его функционировании в литературном языке, но и в его развитии. Фонетические явления он рассматривает в связи с грамматическими. Плодотворность такого рассмотрения сказалась в том, что некоторые явления, казавшиеся следствием трудно объяснимых фонетических законов, Курилович объясняет действием морфологических процессов.

В рецензируемой работе Курилович доказывает высказанную им еще в 1932 г. мысль о том, что греческие интонации не восходят к общиндоевропейским, а являются результатом самостоятельного доисторического развития древнегреческого. По мнению Куриловича, древнегреческие интонации возникли в результате доисторических стяжений гласных. Их возникновение тесно связано с ограничением ударения. Случаи, в которых интонация не может быть объяснена как результат стяжения, рассматриваются как последствия морфологических процессов. Для доказательства тезиса о чисто греческом происхождении интонаций Куриловичу нужно было бы показать, что и морфологические процессы, вызвавшие появление циркумфлекса, относятся к периоду самостоятельного развития греческих диалектов. Это не всегда делается. В частности, среди случаев этого рода Курилович называет циркумфлекс односложной звательной формы *Zeū* «(о) Зевс (бог ясного неба)» (стр. 149, пункт 3). Циркумфлексовую интонацию этой формы Курилович правильно объясняет отступлением ударения в

²² J. Friedrich, *Hethitisches Wörterbuch*, Lief. I, Heidelberg, 1952, стр. 23.

²³ Cp. E. Polivanov, *Zur Frage der Betonungsfunktionen*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 6, Prague, 1936, стр. 81.

²⁴ Ch. Bailly, *Manuel d'accentuation grecque*, Berne, 1945.

звательной форме, подтверждаемым другими древнегреческими примерами. Но для строгого доказательства своей теории Курилович не должен был бы ограничиться этим объяснением; ему следовало бы показать, что рецессия ударения осуществилась в самом греческом. В данном случае это невозможно. Отступление ударения в звательной форме было явлением общиндоевропейским, с чем соглашается и Курилович, как видно из других мест его работы (стр. 135 и 238); в частности, греческому *Zeū* соответствует ведийское *dyaus* «(о) небо» (где особая интонация указывает на происхождение этой формы из *dyaus*). На таких фактах Курилович должен был бы остановиться подробнее, так как они противоречат его теории.

В связи с проблемой ударения звательной формы нужно отметить остроумную гипотезу Куриловича относительно ударения древнегреческих собственных имен (стр. 134—135). Расхождение между ударением нарицательного имени и тождественного ему по происхождению собственного имени Курилович объясняет тем, что собственные имена сохранили и обобщили рецессивное ударение звательной формы, тогда как имена нарицательные преобразовали это ударение в соответствии с ударением всей парадигмы. Спорным в этой гипотезе представляется стремление Куриловича связать ее с доисторическими особенностями развития древнегреческого ударения. Ничего специфически греческого в этих явлениях нет: другие индоевропейские языки показывают и обобщение собственными именами звательных форм (в хеттском, в особенности в основах на *-u*²⁵), и влияние на интонацию звательной формы интонаций других надежд: в ведийском наряду с *dyaus* в функции звательной формы употребляется *dyaus* (с обычной интонацией именительного падежа), соответствующие литовские факты освещены и в работе Куриловича (стр. 257). Поэтому нет оснований считать процесс, предполагаемый Куриловичем, подтверждением его теории развития древнегреческого ударения.

Спорными являются данные в работе объяснения доисторического развития некоторых древнегреческих парадигм, в частности решение трудного вопроса об ударении в индоевропейском названии «собаки» (стр. 19, 141—142). Сопоставляя древнегреческое *κύων*, род. падеж *κύωνος*, и ведийское *ś(u)vr̥*, род. падеж *śundh*, Курилович возводит их к **k̑inō(n)*, род. падеж **k̑inōnos*. Для объяснения древнегреческой формы Курилович предполагает мало вероятное **k̑inōnos*. Сравнение с литовскими формами (о которых Курилович умалчивает) — *šird* (в диалектах *šī*, *šuvā*)²⁶, род. падеж *šin(ė)s* — заставляет усомниться в правильности предложенной Куриловичем реконструкции. Иногда создается впечатление, что он напрасно постоянно стремится найти в древнеиндийском ударении черты более архаичные, чем в древнегреческом и балтийско-славянском (в очень редких случаях Курилович и сам отказывается от этого принципа; ср. выше о *κύων*).

Третья глава, посвященная балтийско-славянскому ударению, составляет почти половину книги (стр. 191—422). Впервые за последние 30 лет (после выхода в свет в 1923 г. известной монографии Ваг-Веика) вопросы балтийско-славянской акцентологии подвергаются столь обстоятельному изучению. Понятно, что книга Куриловича по этой причине должна привлечь к себе внимание славистов.

Вопросы балтийского и славянского ударения решаются Куриловичем в соответствии с давно уже выдвинутой им теорией о самостоятельном развитии интонаций в балтийско-славянских языках, исторически независимом от развития древнегреческих интонаций. Еще двадцать лет назад Курилович указал на то, что противопоставление акута и циркумфлекса не могло быть фонологическим, если акут был присущ долгим гласным, а циркумфлекс — кратким. Их противопоставление могло стать фонологическим тогда, когда оказалось возможным произнесение долгих гласных как с акутовой интонацией, так и с циркумфлексовой. Согласно гипотезе Куриловича, это произошло вследствие передвижения ударения к началу слова в балтийско-славянском. При этом долги гласные, на которые падало ударение до рецессивного передвижения, получили циркумфлексовую интонацию, а долги гласные, на которые передвинулось ударение, приобрели акутовую интонацию.

Доказательства балтийско-славянского передвижения ударения к началу слова Курилович видит в ряде явлений литовского языка (стр. 193—194). Вслед за де Соссюром Курилович считает начальное ударение в литовском вин. падеже ед. числа *dukterį* «дочь» результатом рецессивного передвижения ударения. Но эта точка зрения многократно оспаривалась (ср., например, мнение Мейе о наличии в древности начального ударения у греческого **θυγάτηρ* «дочь»²⁷). Отнюдь не является бесспорным и принимаемое Куриловичем фонетическое объяснение начального ударения в литовских

²⁵ См. H. G. Güterbock, The vocative in hittite, «Journal of the American Oriental Society», New Haven, 1945, № 4, стр. 248—257, особенно стр. 249—250. Вояжения Э. Срептеванта [E. H. Sturtevant and E. A. Nahn, A Comparative Grammar of the Hittite Language, vol. 1, rev. ed., New Haven—London, 1951, стр. 84 (примеч. 88) и стр. 12 (примеч. 4)] не могут опровергнуть всех фактов.

²⁶ J. E n d z e l i n s, Baltu valodu skapas un formas, Rīgā, 1948, стр. 139

²⁷ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 324.

глагольных префиксальных образованиях: это ударение может быть объяснено и древним слиянием приставки с глаголом, при котором глагол становился безударным²⁸ (ср. взгляды Куриловича на ударение древнеиндийского и древнегреческого глагола, которые он, однако, не распространяет на балтийско-славянский, стр. 376). Гораздо более определенными являются факты славянских языков, на которые опирается Курилович. Речь идет о явлениях, охватываемых законом Шахматова (рефлексивное передвижение ударения типа русского *на голову*). Но Курилович критикует обычное объяснение этих явлений воздействием интонации. В этом объяснении Курилович видит смешение фактов, характерных для современного сербо-хорватского языка, с причинами, обусловившими появление этих фактов (т. е. интонационных различий). Следует заметить, что отчасти сходные возражения против акцентологических теорий А. А. Шахматова в свое время выдвигал его ученик — выдающийся советский лингвист Д. В. Бубрих. По его мнению, источником некоторых заблуждений Шахматова являлось глубокое убеждение, что сербская интонационная система ближе всего отражает праславянское состояние²⁹. Подвергнув критическому разбору теории Шахматова, Бубрих пришел к следующему выводу: «Что же остается от тех сложных различий, какие устанавливаются А. А. Шахматовым, если не выходить из рамок того материала, которым он располагает? Остается лишь различие долготы и краткости, с одной стороны, и ударений устойчивого и рефлексивного — с другой»³⁰. Эта формулировка Д. В. Бубриха соответствует тому, что предполагает Курилович для древнейшего балто-славянского состояния (до появления фонологических интонационных различий).

Ряд открытий и смелых гипотез Куриловича был предвосхищен или во многом подготовлен его предшественниками. По вопросам балтийско-славянской акцентологии существует множество работ. Понятно, что Курилович не мог снабдить свой труд библиографическими указаниями на всю огромную литературу вопроса, так как это непомерно увеличило бы размер его и без того весьма объемистого исследования. Но все же не следовало обходить молчанием такие основополагающие работы в этой области, как труды Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова. Имя акад. Ф. Ф. Фортунатова необходимо было назвать в связи с вопросом о двойном отражении планных слогообразующих в литовском языке. Курилович по этому поводу говорит только о де Соссюре (стр. 197). Но в работе, на которую ссылается Курилович, де Соссюр, по его собственному признанию, исходит из открытий Фортунатова³¹.

Одним из веских доводов в пользу исторической независимости развития балтийско-славянских и древнегреческих интонаций Курилович считает несовместимость фонологических акцентуационных систем, которые он устанавливает для древнегреческого и общепалто-славянского (стр. 200). Но надо сказать, что несходство фонологических систем не являлось бы еще доказательством различия по происхождению; оно только показывало бы, что невозможны делавшиеся раньше приполюбные сопоставления интонаций. В этом отношении решающее значение имеет вопрос о характере интонации последнего слога. По мнению Куриловича, в последнем слоге, где в древнегреческом осуществляется противопоставление акута и циркумфлекса, в балтийско-славянском противопоставление этих интонаций не осуществлялось, была возможной лишь одна интонация — циркумфлексовая; противопоставление интонаций осуществлялось лишь в начальном положении. Не все факты, относящиеся к этой проблеме, полностью соответствуют мысли Куриловича. Некоторые явления и славянских (полабского) и балтийских языков (латышского, где замена в безударном, т. е. не начальном, положении всех интонаций прерывистой до сих пор еще не осуществлялась полностью) могут быть поняты как противоречащие его гипотезе, если их не удастся объяснить более поздним развитием. Но теория Куриловича заслуживает самого внимательного изучения.

Для объяснения развития индоевропейского ударения в балтийских и славянских языках Курилович считает необходимым прибегнуть к гипотезе балтийско-славянской общности. Но трактовка этого дискуссионного вопроса Куриловичем не отличается большой четкостью. Под «балто-славянским» автор понимает определенное состояние языка, характеризующее древними интонациями и определенной системой гласных, причем, по словам Куриловича, он не рассматривает вопрос о носителях лингвистических систем (стр. 262—263). Поэтому и остается до конца не выясненным, идет ли речь только о древних изоглоссах, объединявших две различные лингвистические группы (к этому пониманию Курилович склоняется на стр. 419 и 498), или же о древнем един-

²⁸ См. N. van Wijk, *Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme*, Amsterdam, 1923, стр. 41.

²⁹ Д. В. Бубрих, О трудах А. А. Шахматова в области славянской акцентологии, «Известия Отд-ния рус. языка и словесности Росс. Акад. наук» 1920 г., т. XXV, Пр., 1922, стр. 198.

³⁰ Там же, стр. 205.

³¹ F. de Saussure, *A propos de l'accentuation lituanienne*, «Recueil des publications scientifiques», Heidelberg, 1922, стр. 496—497 и примеч. 1 на стр. 497.

стве этих двух групп, т. е. о существовании балто-славянского языка-основы (такой вывод напрашивается из решения конкретных вопросов в книге Куриловича). Нельзя считать исчерпывающим объяснение, согласно которому разграничение индоевропейского, балтийско-славянского и самостоятельных балтийского и славянского делается «из практических соображений» (стр. 431).

Переход от балтийско-славянского состояния к самостоятельному балтийскому и славянскому Курилович объясняет действием закона Фортунатова-де Соссюра (который он называет «законом де Соссюра») в литовском и ослабленном редуцированных (эров) в славянском. Курилович предлагает новую формулировку закона Фортунатова-де Соссюра, объединяя его с законом Лескина. Явления, объяснявшиеся этими двумя законами, Курилович понимает как передвижение ударения на некоторые литовские окончания вследствие их сокращения. Если такая формулировка имеет некоторые преимущества по сравнению с традиционной, то фонологическая интерпретация этих явлений на стр. 249—250 совершенно неубедительна. Здесь в особенности сказывается вред противопоставления фонетики и фонологии. Курилович считает возможным признать «фонетическую причину» звукового развития его «фонологическим следствием» (стр. 250). Многочисленные экспериментально-фонетические исследования (в особенности труды шведского лингвиста Р. Экблума) позволяют в настоящее время более точно изучить развитие литовских интонаций. Курилович не воспользовался этими достижениями современной науки. Мысль Куриловича о чисто литовском характере закона Фортунатова-де Соссюра не является новой³², но для обоснования этой гипотезы нужно было бы детально изучить показания других балтийских языков, в частности прусского, а также вопрос о времени ослабления гласных конечных слов в латышском. Между тем прусские факты, введенные в балтийско-славянскую акцентологию в классическом труде Фортунатова, в работе почти совсем не учитываются, а трактовка латышских явлений неубедительна. Недостаточное внимание к фактам других балтийских языков обесценивает и гипотезу Куриловича о связи закона де Соссюра с исчезновением рода в литовском (здесь Курилович и сам видит недостаточность используемого им материала, стр. 258).

Для выделения общеславянского из балто-славянского Курилович основным фактором считает ослабление редуцированных. Он говорит о необходимости отличать ослабление редуцированных (явление общеславянское) от их исчезновения, осуществившегося в различных славянских диалектах по-разному. Ослабление редуцированных привело к перемещению ударения со слога, содержавшего *ъ* или *ь*. Для критической оценки этой гипотезы нужно установить хронологическое соотношение между ослаблением редуцированных и (по Куриловичу, гораздо более древним) действием закона Шахматова (быть может, при этом окажется важным изучение таких старославянских примеров, как *на вѣчерѣ*, в которых некоторые ученые усматривали действие закона Шахматова³³). Славянская интонационная система, возникшая после ослабления редуцированных, согласно Куриловичу, характеризовалась противопоставлением новоаккутовой и циркумфлексовой интонаций при исчезновении древней аккутовой. Очень спорным является предположение Куриловича (выдвигаемое, правда, с некоторыми оговорками) о раннем сокращении древних аккутовых долгот. Эта гипотеза приводит к мало правдоподобной догадке о вторичном происхождении чешских долгот, подтверждение которой Курилович видит в словенском. В некоторых отношениях действительно существуют общие черты в развитии чешского и словенского³⁴, но как разте словенские явления, которые Курилович считает архаичными (односложные краткие формы типа *dim*), в чешском не находят аналогии (долгота в чешском *dym* и т. п.). Курилович видит необоснованность этих построений, так как наряду с ними он выдвигает и другую, несовместимую с ними гипотезу (стр. 262), согласно которой сокращение долгот произошло только в известных условиях.

Композиция третьей главы книги определяется рассмотренной теорией развития балтийских и славянских интонаций. Глава начинается предварительными замечаниями о гипотезах автора (стр. 191—192). Общие балто-славянские явления рассматриваются в двух первых параграфах: происхождение балто-славянских интонаций (стр. 193—200) и именное склонение (стр. 201—241). В третьем параграфе (стр. 243—276) рассматривается «дальнейшая судьба балто-славянских парадигм, „закон де Соссюра“ в литовском, ослабление редуцированных (эров) в славянском». Самостоятельное развитие балтийского и славянского рассматривается в дальнейших параграфах, посвященных именному словопроизводству (стр. 277—360), именному словосложению (стр. 361—371), глаголу (стр. 372—401).

³² Ср. N. van Wijk, указ. соч., стр. 36 и сл.

³³ См. W. Vondrák, *Vergleichende Slavische Grammatik*, Bd. I, Göttingen, 1924, стр. 241 (примеч. 1).

³⁴ Ср. замечание по этому поводу Л. А. Булаховского («Акцентологический комментарий к чешскому языку», вып. 1, Киев, 1953, стр. 30).

Принятие гипотез, которые излагаются автором в разделах, посвященных балтийской и славянской морфологии, зависит от того, насколько можно считать доказанными те предпосылки, на которых они строятся: рассмотренные выше теории фонетического развития балтийско-славянского и гипотезы об индоевропейском ударении. Спорность этих гипотез усугубляется тем, что автор книги часто прибегает к очень сомнительным истолкованиям морфологических соотношений, например к гипотезе о воздействии согласных основ на гласные (стр. 206—207), которая противоречит реальным фактам балтийского и славянского именного склонения. В ряде случаев увлечение схематическими построениями приводит к серьезным ошибкам. Так, высказанное Куриловичем (стр. 232) положение о том, что основы среднего рода на *-и* уже в балтославянскую эпоху стали основами мужского рода, противоречит фактам прусского языка. Я. М. Эндзелин с полным основанием говорит, что «в прусском языке есть и основы на *-и* среднего рода»³⁵. В частности, приводимым Куриловичем для доказательства своего тезиса старославянскому *olъ*, литовскому *alûs* «пиво» в прусском языке соответствует слово среднего рода *ali* «мед (напиток)». В некоторых случаях формы, древнее ударение которых неясно, приводятся без достаточных обоснований в качестве иллюстрации той или иной мысли автора, например кашубская форма твор. падежа мн. числа на *-у*³⁶ (стр. 265).

Очень схематично излагаются вопросы истории отдельных славянских языков. Так, о русском языке сообщается лишь, что условия утраты в нем интонации и долгот неизвестны (стр. 268). Можно было бы подробнее остановиться на этой проблеме, используя существующую литературу³⁷. Непосредственный переход, который делает Курилович от общеславянских фактов к современным русским, говоря, что вследствие исчезновения интонаций в русском языке древние сочетания с начальным ударением типа *pôd ruku* сохранились лишь в «каменевших оборотах», искажает перспективу развития языка. Как показывают новейшие исследования, сочетания этого рода были очень распространенными долгое время после исчезновения интонаций — вплоть до XIX в.³⁸. Замечания Куриловича об ударении в современном русском языке развивают мысли, заключавшиеся в его известной советским ученым работе «Система русского ударения»³⁹. Приходится пожалеть об исключительной краткости этих замечаний, не всегда позволяющей оценить аргументацию автора. Так, Курилович указывает на то, что морфема *-â* в формах множественного числа типа *gorodâ* не всегда имеет характер «чистого и простого окончания». Ссылаясь на то, что *-â* «во многих случаях» чередуется с *-ы*, Курилович делает вывод, что эта морфема находится на пути между словопроизводственным суффиксом и надежным окончанием (стр. 270). Повидимому, Курилович имеет в виду соотношения типа *хлебâ* — *хлебы*; но такое значение окончания *-â* нехарактерно для преобладающего большинства случаев его употребления⁴⁰. Курилович касается здесь очень существенного вопроса о лексико-грамматическом характере категории числа имени существительного⁴¹, но не делает должных выводов из своих наблюдений.

Большое внимание уделяется в работе относительной хронологии дописменного развития балтийско-славянского. Для этой цели используется анализ древних заимствований (стр. 275—276). В то время как Курилович использует этот прием только для установления относительной хронологии, в последних работах советских лингвистов выдвигается задача анализа заимствований для выяснения абсолютной хронологии изменений языка, что дало бы возможность приблизиться к изучению связей истории языка с историей его носителей⁴².

Последний параграф третьей главы книги посвящен латышскому ударению (стр. 402—422). Обнаружение Я. М. Эндзелином связи между латышской прерывистой интонацией и подвижной акутовой интонацией в литовском позволило начать

³⁵ J. E n d z e l i n s, Baltu valodu skapas un formas, стр. 134.; ср. стр. 69.

³⁶ Ср. об этой форме у Л. А. Булаховского («Акцентологический комментарий к польскому языку», Киев, 1950, стр. 65).

³⁷ Ср. А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 187—192.

³⁸ См. материал, собранный у Л. А. Булаховского («Курс русского литературного языка», т. II, Киев, 1953, стр. 251—252). Ср. критику Л. А. Булаховским взглядов Мейе, ошибку которого повторил Курилович (Л. А. Булаховский, Акцентологический закон А. А. Шахматова, сб. «А. А. Шахматов. 1864—1920», М.—Л., 1947, стр. 402).

³⁹ См. Ю. Р. Курилович, Система русского ударения, «Науч. записки Львов. гос. ун-та им. Ив. Франко», т. III, Серия филол., вып. 2, Львов, 1946, стр. 75—84 (на рус. языке.).

⁴⁰ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 163.

⁴¹ См. там же, стр. 156.

⁴² См. П. С. Кузнецов, Вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков, «Вопросы языкознания», 1952, № 5, стр. 44.

исследование истории латышской системы ударения, но многие вопросы остаются неясными. Не так давно Бонфанте писал: «Третья латышская интонация (^ прерывистая) до сих пор остается загадочной...»⁴³. Объяснение, предлагаемое Куриловичем, вносит мало нового. Еще Ван-Вейк предположил, что установленное Я. М. Эндзелином соотношение между литовскими и латышскими интонациями можно рассматривать как свидетельство происхождения латышской прерывистой интонации из древней акустовой интонации окситонных парадигм⁴⁴. Не ссылаясь в данном случае на Ван-Вейка, Курилович по существу повторяет его очень правдоподобное предположение.

Фонологический анализ латышских интонаций в работе Куриловича совершенно неудовлетворителен. Неверно утверждение, будто прерывистая интонация (которую Курилович на протяжении всей своей работы называет «гортанным взрывом», что противоречит экспериментально-фонетическим данным⁴⁵) является не интонацией, а особым способом произнесения «неинтонированных» слогов. В действительности прерывистая интонация принадлежит к категории особого рода гортанных тонов (ср. датский «толчок», китайский пятый тон), играющих, как показывают новейшие работы⁴⁶, очень важную роль в некоторых языках. Система политонического ударения (т. е. ударения, которое фонологически характеризуется не только местом, но и качеством ударяемого слога) неизбежно характеризуется только различиями музыкальных тонов; фонологические функции в языках с политоническим ударением может исполнять и сжатие гортани. Курилович не смог установить функции этого фонологического средства в латышском языке, как и «толчка» в датском (стр. 476—477), так как он руководствовался порочной фонологической теорией мор. По мнению Куриловича, слог с прерывистой интонацией не делится на моры (стр. 417). Между тем распадаение слога с прерывистой интонацией на две части, отделяемые друг от друга сжатием гортани, является наиболее характерной чертой этой интонации в латышском (в диалектах это подчеркивается при дифтонгизации долгого гласного, например литературному *riits* «утро» в диалекте Vee- Gulbene соответствует *re'its* с гортанным сжатием между составными частями дифтонга).

В приложениях к книге Куриловича рассматривается ударение в древнеиранских (стр. 438—451), латинском и романских (стр. 452—462) и скандинавских (стр. 463—477) языках. Для исследования изменения древней флексивной системы в иранских языках большое значение может иметь делаемый в работе вывод о доисторическом закреплении ударения в иранском на предпоследнем слоге (стр. 445). Замечания о латинском и романском ударении носят очень общий характер; в частности, хотелось бы видеть освещенным более подробно вопрос о древних диалектальных различиях, в особенности в связи с вопросом о словах с ударением на третьем слоге, считая с конца (стр. 458). В разделе о скандинавских языках предлагается очень поздняя датировка (XIII—XV вв.) возникновения музыкального ударения. Принятие этой датировки вело бы к выводу, что исландский язык не знал музыкального ударения; это следовало бы мотивировать (по существующей концепции исландский язык утратил древнее музыкальное ударение). Предлагаемая датировка нуждается в проверке и с другой точки зрения: Курилович правильно указывает, что постпозитивный артикль в скандинавском превратился в суффикс (стр. 473); эта мысль подтверждается такими шведскими формами, как род. падеж мн. числа *flik-or-na-s* «девочек», где *-na-* суффикс определенной формы, *-s* падежное окончание. Но музыкальное ударение, как об этом свидетельствуют двусложные определенные формы, имеющие древнее ударение односложных, должно было развиваться задолго до превращения артикля в суффикс, осуществлявшегося, как показывает датский, уже в XII—XIV вв. (исландский язык и в этом отношении стоит особняком). По этим соображениям датировка, предложенная Куриловичем, представляется слишком поздней.

Выводы, излагаемые в заключениях (стр. 423—437), написанном, как и вся работа, по-французски, повторяются затем (с некоторыми вариациями) в обширных резюме на польском (стр. 478—495) и русском (стр. 496—512) языках.

В настоящей рецензии оказалось возможным коснуться только некоторых вопросов, рассматриваемых в очень содержательной книге Е. Куриловича. Подробный анализ его теории должен быть дан в специальных акцентологических исследованиях. Приходится пожалеть о том, что непреодоленное увлечение «панхроническими» схемами структурализма помешало талантливому польскому ученому раскрыть все свои

⁴³ G. Bonfante, *L'accento lèttono gestossen (^) e l'acuto mòbile* lituano, «Studi baltici», vol. IV, Roma, 1935, стр. 123—124.

⁴⁴ См. N. van Wijk, указ. соч., стр. 20 (примеч. 4).

⁴⁵ Такую же ошибку в свое время совершал Е. Д. Поливанов, которому принадлежит, однако, заслуга установления фонологической роли прерывистой интонации (см. его «Введение в языковедение для востоковедных вузов», Л., 1928, стр. 85).

⁴⁶ См. M. Durand, *Le système tonal du tahitien*, «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», Paris, 1951, fasc. 1, стр. 126—127; ср. там же, стр. XXVIII—XXIX.

творческие возможности. Но все же при большой спорности (порой и парадоксальности) некоторых гипотез Куриловича специалисты по индоевропейским (в частности, славянским) языкам найдут в этой работе много для себя полезного. Книга Е. Куриловича показывает, как много еще работы предстоит в области сравнительно-исторической акцентологии. В своих исследованиях, посвященных этой дисциплине, советские лингвисты используют и основательный труд Куриловича.

Вяч. Вс. Иванов

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР, ПО ДАННЫМ «КРАТКИХ СООБЩЕНИЙ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ»*

«Краткие сообщения Института востоковедения» издаются по мере накопления материалов. Отдельных публикаций по языкознанию в рецензируемых выпусках всего четыре, причем три из них помещены во II выпуске, а четвертая — в VIII. Рассмотрим эти статьи.

В отделе «Материалы и сообщения» выпуска II напечатана информация Д а м и н с у р э н а «О принципах новой монгольской орфографии» (стр. 31—37), которая дает представление о новой монгольской письменности (на основе русского алфавита) и о ее научных, отчасти и культурно-исторических предпосылках. К сожалению, автор иногда забывает, что он пишет не для монголов и не для монголистов, а для русских. Отсюда, например, нечеткость в изложении правил написания редуцированных гласных. Даваемая формулировка, может быть, и понятна для специалиста, но для человека, впервые знакомящегося с предметом, необходимы прежде всего указания, какое явление звуковой речи нормируется данным правилом орфографии. Так, в правилах 2, 3, 4 на стр. 34 читатель только из примеров и из приведенных автором ранее соображений по поводу редукиции гласных может понять, идет ли речь о гласном, предшествующем согласному, или о гласном, следующем за ним.

В основе возражения автора Г. Д. Санжееву, утверждающему, что *е* в монгольском языке (в незаимствованных словах) является лишь вариантом *б*, лежит интересное и важное наблюдение над тем, что из двух вариантов единой фонемы в современном языке стало преобладать именно *е*. Но в своем возражении автор не раскрывает взаимоотношения между фонемой и позиционным вариантом. Некоторый перевес одного из позиционных вариантов еще не делает последний отдельной фонемой, как полагает автор, говоря о самостоятельном, качественно новом значении звука *е* (стр. 35). Совершенно аналогично отношение между *б* и *г* в испанском, где, кстати, также представлены две графемы для одной фонемы, что, как и в монгольском языке, поддерживается иностранными словами.

Статья А. П. Р о г а ч е в а «Идиоматика китайского языка, отображенная в устойчивых словосочетаниях (чэн-юй)» (По материалам произведений Сун Ят-сена и Мао Цзэ-дуна) (вып. II, стр. 52—56) является авторефератом кандидатской диссертации. Возможно, что диссертация, одобренная Ученым советом института, имеет известное значение для китайистики, но автореферат ее автору явно не удался. Цели исследования, как их формулирует автор, заставляют вспомнить выражение «ломиться в открытую дверь», а исключительно интересные проблемы, действительно заслуживающие внимания, затрагиваются в автореферате лишь вскользь. Так, например, никто не станет возражать против положения, «что раздел об изучении чэн-юй в общем плане изучения китайского языка должен занимать не меньшее место, чем любой другой» (стр. 52), а между тем автор считает доказательство этого целью своего исследования. Нам кажется также, что не нужно было исследования и для того, чтобы «показать, что чэн-юй представляет собой существенную часть богатейшего словарного запаса китайского языка» (стр. 56). Ведь для этого достаточно было бы взять сборники китайских идиом и познаться с содержанием китайских словарей. Но А. П. Рогачев считает такой показ своей основной задачей. Автор пишет: «...в силу специфики китайского языка, объясняющейся в основном односложным составом корней и иероглифической письменностью, по сути дела почти весь словарный состав китайского языка, или во всяком случае большая часть его, вполне может рассматриваться как идиоматическое творчество» (стр. 53). Но в автореферате он показывает только, что значение сложных слов и словосочетаний совершенно не соответствует значению их компонентов (что видно и из словарей). Остается неясным, какую роль играет односложный корень и иероглифическая письменность в развитии идиоматики, как ставятся и разрешаются эти вопросы в диссертации.

*См. «Краткие сообщения Ин-та востоковедения [АН СССР]», выпуски I—IX, М., Изд-во АН СССР, 1951—1953.